

УДК 323

Дмитрий Александрович Давыдов
аспирант Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. Email: davydovdmitriy90@gmail.com

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И СМЕРТЬ ПОСТМОДЕРНИЗМА¹

Статья посвящена анализу соотношения понятий «общество потребления», «общество рисков» и «постмодернизм». Современная капиталистическая экономика способствует росту потребления, создавая новые желания. Но излишнее потребление приводит к глобальным рискам, вроде загрязнения окружающей среды. Некоторые теоретики предполагают, что преодолеть риски можно только через разрыв с капитализмом, то есть путем конструирования «нового общества», скрепленного рефлексивной моралью. Автор статьи выражает несогласие столь радикальной точке зрения. В противовес ей он приводит тезис о том, что современное общество таит в себе механизмы самообновления. Основная проблема современного общества отнюдь не в потреблении, а в постмодернистском медиатическом «пространстве симулякров», заглушающем общественную рефлексивность. Постмодернизм и капитализм системы разного рода. Постмодернистская культура порождает пространство иллюзий вседозволенности, нарушая циркуляцию действий и их реальных последствий. Но постмодернистские симуляции, по убеждению автора, отомрут сами по себе, когда граждане мира столкнутся с глобальными катастрофами «лицом к лицу». Угроза смерти побудит их искать новые решения глобальных рисков, вполне возможно, в рамках уже существующей общественной системы.

Ключевые слова: глобальные риски, общество потребления, постмодернизм.

В последнее время в интеллектуальной среде поднимается «проблема постмодернизма». Формируется мнение о том, что постмодернизм – затяжная болезнь, симптомами которой являются бессилие, нигилизм и декаданс [13]. Постмодернизм как культурное явление с его отрицанием метанарративов [12] делает современное общество бессильным, разобщенным. Деконструктивизм, эпистемологический релятивизм и виртуализация (симулякризация) способствуют отрыву общественного сознания от реальности, полной рисков. Новости о рисках планетарного масштаба (глобальное потепление, загрязнение окружающей среды и т.д., и т.п.) теряют свой «напряженный» смысл.

При этом культуру постмодернизма нередко рассматривают в качестве «культурной надстройки» *общества потребления*, возникшего в результате развития капитализма. Потребление, говорят некоторые авторы,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества» (проект № 12-Т-6-1002).

имеет отчасти социокультурную природу, связанную с постмодернистским разрывом между означающим и означаемым [11]. Потребители живут в *виртуальной реальности* «потребительского рая», в которой уже не существует реального означаемого, но только шизоидная игра означающих [11], симулятивная среда СМИ [4].

Выход из проблемной ситуации, как кажется на первый взгляд, заключается в том, чтобы «объявить войну» реалиям общества потребления. Это общество потребления есть порождение постмодернистских иллюзий, *капитализма* и *либерального индивидуализма*. Чтобы преодолеть данную цепь «порочных взаимосвязей», требуется *радикальный разрыв*. Необходим проект «*нового общества*», моральная революция, движимая социальными утопиями [14], высокими целями, чем-то вроде героической этики¹.

У данной точки зрения, на наш взгляд, есть очевидный недостаток. Критикуя потребителей за их несвободу от разного рода навязываемых желаний (манипуляций сознанием), мы рискуем подсознательно перейти к давно разоблаченному дискурсу борьбы за так называемую «реальную» свободу (или свободу «для») через обеспечение индивидов «подлинными» желаниями.

На практике одни манипуляторы сменяют других. Уже подверженные манипуляциям индивиды будут таким же образом подвержены спекулятивным внушениям «заботливых» морализаторов, а значит *несвободными*. Но если в современном западном обществе желания навязываются со всех сторон и в итоге ниоткуда, то разрушительный и амбициозный проект «борьбы за свободу и новое общество» окажется сконцентрированной системой инструментальной власти, способной трансформироваться в новую мировую диктатуру. Нужен ли нам такой исход?

Тезис, который мы попытаемся развить ниже, заключается в том, что разрушать «привычный» (капиталистический) западный мир, чтобы справиться с отдельными проблемами, *нет смысла*. Современные индивиды, действительно, в некотором смысле пассивны и невосприимчивы к дискурсу рефлексивности. Но совсем скоро все может измениться. Общество потребления и постмодернизм – это все же разные вещи. Несмотря на всю свою «виртуальность» потребление не может быть полностью оторвано от реальности. Вероятно, в ближайшем будущем мы будем наблюдать смерть постмодернизма, причиной которой будут *серии катастроф*, врывающихся в «миры потребления». Реальность, пугающая своей опасностью, балансировка между жизнью и смертью заставит индивидов вспомнить о том *реальном*, что есть в потреблении, о настоящей *нужде*, движущей теми, кто готов мыслить, активно (рационально) преобразовывая мир.

¹ О героической этике см., например: [17, с. 227-234].

Постмодернизм и общество потребления: почему «вместе»? Как мы уже сказали выше, термин «общество потребления» зачастую упоминается в контексте постмодернизма. Ж. Бодрийяр различает потребление и наслаждение как два разных феномена. «Наслаждение, – пишет он, – могло бы охарактеризовать потребление, которое было бы автономным... Однако потребление никогда не является таковым. Наслаждаются для себя, но когда потребляют, никогда не делают этого в одиночестве..., а входят в обобщенную систему обмена и производства закодированных ценностей» [3, с. 108].

То есть потребление имеет *социальную* природу. В чем же тогда связь с постмодерном? Ответ на этот вопрос дает другая реплика Бодрийяра. Он пишет, что современное общество характеризует «распространяющаяся реорганизация первичного уровня потребностей в систему знаков...» [3, с. 108].

Системы знаков современного общества, в свою очередь, характеризуются постмодернистским разрывом означающего (то есть самого знака) от означаемого предмета. Происходит то, что описывал в свое время Ж. Деррида [10]: знаки закручиваются в бесконечную игру означивания, в которой социальные смыслы конституируются лишь как различия – дистанции и разрывы между другими означающими. Например, в структуре моды разрушается привычная структурность. Остается лишь эклектичная игра различий, красок, форм, как если бы сами по себе краски и формы не значили ничего, но приобретали свой смысл в постоянной *динамике* контрастов, очертаний, *фантазмов*.

Постмодернизм, таким образом, трансформирует потребление, переводит оное в *сферу симуляций*. Финансы, оторванные от реального производства; реклама, оторванная от реальных свойств вещей; желание, оторванное от своего непосредственного носителя и ставшее предметом манипуляций и т.д., и т.п. Потребляемые вещи становятся симулякрами – «тем, что уже никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя, в непрерывном круговороте без референции и предела» [5].

Но настолько ли сильно потребление оторвано от реальности? Сегодня критика общества потребления зачастую связана с *теорией общества рисков* [1; 8], авторами которой являются У. Бек и Э. Гидденс. Бек и Гидденс описывают реалии, в которых «опасности, созданные нашими же руками, носят ... катастрофический характер, как например ... риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики» [9, с. 50-51]. Они рассматривают возможные сценарии будущего, не решаясь давать конечных оценок.

Но радикальная политическая мысль (большей части левого толка) взяла на вооружение тезис об «обществе рисков», обрушившись с критикой на культуру постмодернизма и общество потребления как часть данной культуры. Согласно «радикальному» подходу, некоторая часть глобальных рисков возникает в ответ на спрос со стороны простых потребителей, которых заботит лишь пространство «здесь и сейчас».

В то время как мир окутывается угрозами¹ потребители остаются в своих частных мирах («перед экранами телевизоров»). Постмодернистский «мир симуляций» губит в зачатке любую рефлексивность. Наступает эра «прозрачности зла» [4], то есть невидимости или же профанизации опасности как таковой. Фильмы о глобальных катастрофах уже не пугают, не заставляют задумываться, а становятся красочными шоу, постановкой, профанизирующей всякую реальную угрозу [7].

Мир потребления – это мир идеализированных форм и непрекращающегося удовольствия. Потребителю постоянно предлагают новые желания, он не видит (или не желает видеть) вокруг себя ничего, кроме экранов, ярких обложек, рекламных роликов.

Данное «отрешенное от окружающей реальности» пространство создает сильнейшую иллюзию *отдаленности от глобальных рисков*. Где-то, возможно, голодают дети, разрушается АЭС, бушует цунами, но завтра, в 9 или 10 утра, двери магазинов будут открыты, выйдет свежий выпуск любимой телепередачи и т.д., и т.п. Постмодернистское виртуальное пространство «отдаляет» потребителя от непосредственной реальности, воспитывает жадность и безразличие ко всему, что не затрагивает приватизированную среду.

Что делать? Здесь некоторые авторы предполагают, что пробудить общественную рефлексивность можно только посредством так называемой *моральной революции*. Слезть с «иглы зависимости» от новых желаний можно лишь через радикальный разрыв или «болезнь, которая как ничто провоцирует волю к жизни...» [13, с. 176]. В.С. Мартынов и Л.Г. Фишман пишут: «Новое общество ... явится плодом грандиозного эксперимента (социального, политического и технологического) – нового модернизаторского проекта управления судьбой» [14, с. 67].

Идея нового «большого проекта» основывается на мысли о том, что современные социальные, политические и экономические институты изжили себя. Общество потребления – результат синтеза постмодернизма, капиталистической экономики и либерального индивидуализма [6].

Тем не менее данная позиция вызывает настороженность. Идея «проекта управления судьбой» в леворадикальном смысле несет в себе идею борьбы за свободу «для» [2]. Социальные критики видят в потребителе ведомого «объекта политических и маркетинговых манипуляций», который потерял способность самостоятельно мыслить. Рецепт «отрезвления» потребителей предлагается разрыв с капиталистическим обществом и всем его (при случае) либеральным и постмодернистским содержанием. Иными словами, это – борьба за «новое общество» с универсальными моральными скрепами в виде ценностей и идеалов.

Такой «рецепт» напоминает нам фашистский или коммунистический тезис о «новом человеке». Человек настоящего, слабый и ведомый, не сво-

¹ Излишнее потребление приводит к излишней вырубке лесов в Амазонии или, например, к возникновению Восточного мусорного континента.

боден, его будто бы нужно *сделать свободным*. Но фраза «сделать кого-то свободным» не имеет смысла. Если индивид сам по себе ведом и подвержен влияниям, он окажется ведомым и подверженным влияниям со стороны любого морализатора, осмелившегося убедить его в том, что «его желания есть чужие (навязанные) желания, а вот *эти* желания есть “подлинные” желания»¹. В то время как в «прогнившем» либеральном и капиталистическом обществе «генераторы желаний» *рассеяны* (это может быть, например, реклама небольшой фирмы), морализаторство, основанное на призыве к созданию «нового человека» окажется тем же «генератором желаний» (субъектом манипулирующим массами с фальшивой оберткой «борьбы за свободу»), но уже *сконцентрированным, радикальным, разрушительным*.

Но есть ли смысл в кардинальных переменах, если, возможно, проблема заключается в каком-то одном компоненте, а именно в *постмодернизме*? Сегодня появляется множество свидетельств тому, что огромный пласт наших моральных понятий не нуждается ни в каких идеологических машинах, руководимых инструментальной властью [18]. Нам не нужны антикапиталистические лозунги, чтобы понять, что загрязнение окружающей среды – это плохо, и что в мире много несправедливости. Большая часть потребителей на самом деле осознают все то, что преподносится леворадикальными авторами как неоспоримые доказательства аморальности потребления.

Тогда, спросят нас, почему эти универсальные и имплицитно разделяемые («врожденные») моральные нормы не работают, а факты игнорируются? Они не работают в силу особенностей механизмов человеческого восприятия. М. Хаузер приводит в пример психологические эксперименты, результаты которых показывают, что человек склонен помогать, страдать и чувствовать моральную ответственность лишь перед теми, кто находится в его непосредственной *близости*. Хаузер приводит следующий пример: «Представьте. Вы едете по сельской дороге в своей новой машине с откидным верхом, салон отделан безупречной кожей. На краю дороги вы замечаете маленькую девочку с окровавленной ногой. Увидев вас, она просит о помощи. Ее нужно доставить в больницу. Вы в растерянности. Ее окровавленная нога испортит кожаное сиденье машины, и за химчистку вам придется заплатить 200\$. Но вскоре вы осознаете, что это недостаточные основания для колебаний. Жизнь человека, конечно, стоит гораздо больше, чем кожаный салон машины. Вы берете ребенка и везете его в больницу, принимая прогнозируемые последствия своего решения – счет на 200\$ за чистку кожаной обивки машины...

Теперь представим схожую ситуацию. Вы получаете письмо из ЮНИСЕФ с просьбой сделать пожертвование для умирающих детей в бедной африканской стране. Причину смерти, кажется, можно устранить, но нужно больше воды. Пожертвование в размере 50\$ спасет 25 жизней, обеспечив каждого ребенка пакетом медикаментов, которые устранят обезвоживание, вызванное диареей...

¹ Этот посыл не является выдумкой автора. См., например: [16].

Большинство людей выбрасывают эти письма о помощи в мусорную корзину. Они поступают так, даже если в письме есть фотографии детей, умирающих от жажды...» [18, с. 46].

Данный пример наглядно демонстрирует ту роль в наших моральных поступках, которую играет непосредственная *близость* происходящих событий. На наш взгляд, в скором времени реальность в виде серий катастроф (экологических или социальных, порожденных глобальным неравенством) приблизится настолько, что иллюзорный постмодернистский мир «медиаических образов» *падет сам собой*. Индивиды, будто бы опьяненные опиумом, начнут трезветь, когда в 9 или 10 утра перестанут открываться двери торговых центров, а выпуски телепередач прервутся экстренными сообщениями о надвигающейся гибели.

Это на самом деле уже начинает происходить, но видимо с недостаточной интенсивностью. Как только общество столкнется с *серией реальных катастроф*, иллюзии о безопасном мире «свободной игры значений» развеются. Известный афоризм «в окопах нет атеистов» можно перефразировать: в момент катастроф нет нигилистов.

И здесь не нужно полагать, будто бы мы путем сознательного бездействия оставляем общество «на краю гибели». В ряду исторических событий прошлого (эпидемии, голод, мировые войны и т.д.) сегодняшнее «комфортное состояние» является скорее *исключением*. История человечества – это история непрерывных катастрофических событий, побуждавших индивидов искать пути выхода из них, преобразовывая мир.

Мы *уже* вряд ли избежим наступления тех или иных катастроф. Скорее всего, они не уничтожат человечество. Но это будут такие проблемы, которые, мягко говоря, «почувствуются» каждым (таяние ледников, например).

Но не получится ли так, что индивиды будут сталкиваться в основном с бедами *ближних* (как описывает Хаузер)? Не потребуется ли все равно некоторое идеологическое усилие, общезначимый проект, чтобы связать индивидов в единое целое? Во-первых, нет ничего нелогичного в том, чтобы *связать проблемы ближних с обществом в целом*. Во-вторых, какой-то проект, возможно, и потребуется. Но этот проект (вернее, серия проектов) может приобрести вполне привычную форму совокупностей публичных обсуждений *разных* проблем (если не в рамках СМИ, то в рамках «уличной политики») и поиска возможных механизмов их решений.

Не являются ли наши суждения по своей сути постмодернистскими, так как постмодернизм включает в себя концепт «локальной современности» [15]? Нет, поскольку решение отдельных проблем требует обращения к *разуму*, а разум есть одна из фундаментальных основ человеческого бытия, как бы усердно не продвигали постмодернистские прозелиты идею «разочарования в поисках истины».

Таким образом, по нашему убеждению, современное общество может само справиться с глобальными рисками. Старые институты, возможно, нуждаются в реформировании, но это не говорит о необходимости в

системных изменениях. *Постмодернизм – это болезнь, которой можно переболеть, эволюционируя, находясь в поисках конкретных решений конкретных проблем.* Современные технологии уже сейчас позволяют достигать некоторых результатов в борьбе с излишним энергопотреблением или выбросами в атмосферу. Глупо считать, что дальнейшие успехи в этой области невозможны в рамках «загнивающего капитализма».

Потребление послужит причиной *смерти постмодернизма* и, что более значимо, переживет его. Когда радикальные идеологи говорят о том, что потребление является источником экологических рисков, а индивидуализм – безразличия к общественному благу, то упускают из виду, что в этом заключается непрерывная связь с *реальностью*, постоянная диалектика «учения на собственных ошибках и их реальных последствиях» (мы сталкивались с ней уже тогда, когда учились ходить, постоянно падая). Эта связь прервалась, дав возможность современному обществу *временно* стать обществом мечтателей о безграничном потреблении того, что только можно *вообразить*.

Но почему мы говорим о том, что потребление переживет постмодернизм? Обратимся к феномену подсознательного. Если проанализировать «большие» идеологические проекты прошлого, то можно прийти к выводу, что за многими из них в той или иной степени стояло подсознательное желание построить общество, в котором каждый обладал бы определенным минимумом *материальных благ* (там, где это не декларировалось прямо). Возвышенные идеалы «нового общества» являлись лишь надстройкой, призванной маскировать «приземленную» *волю к комфорту*.

Под «комфортным состоянием» мы подразумеваем *умеренное потребление*, связанное с идеей *счастливой жизни*. Изначально борьба за «счастливую жизнь» велась по причине *недостатка* (то есть бедности). Неспроста движущей силой основных массовых движений конца XIX – начала XX в. были обездоленные пролетарии, чья повседневность (сравнительно) вызвала *отвращение*.

Сегодня наблюдается отчасти обратная тенденция. Теперь то, что вызывает отвращение – это не недостаток, а *переизбыток* материальных благ. Появляются новые идеологические (леворадикальные) проекты, авторы которых критикуют потребление как таковое. Воля к комфорту более не маскируется, а объявляется примитивным мещанством, с которым следует бороться с помощью обновленной морали и духовных ценностей.

Нельзя, однако, исключать другой вариант «развития событий». С переизбытком можно бороться не вопреки, а во имя потребления. И для этого не нужна какая-либо идеологическая надстройка, всегда рискующая превратиться в диктат «заботы о других».

Когда «реальная реальность» вторгнется в дома рядовых потребителей, они, возможно, сами (без излишних идеологических посылов) осознают, что подобны капризным детям, чья повседневность превращается в отвратительную картину, в которой люди страдают от собственного жира, портят окружающую среду. Но стоит заметить: этот процесс не одина-

правлен, а диалектичен. Повседневность общества потребления способна вызывать отвращение, но когда мир разорван разрушительными катастрофами, наступает *ностальгия* по «благородной» части потребления, связанной с умеренностью и поиском личного счастья.

Что это значит в контексте нашей проблематики? Мировые катастрофы прервут постмодернистскую фантазмагорию симулякров и побудят потребителей пересмотреть свое отношение к жизни. Западное общество уже наглядно начинает страдать от избыточного потребления.

Однако диалектика здесь такова, что в борьбе с мировыми угрозами (с собственным «лишним весом») «граждан мира» будут мотивировать не столько отвлеченные идеалы, сколько подсознательные (а возможно и вполне осознаваемые) мысли о том, как бы что-то из того, что было до «катастрофического настоящего», вернуть на свои места. Их охватит ностальгия по «обычному человеческому счастью». Общественность неизбежно обратится к необходимости умеренно удовлетворять потребности.

Результатом прохождения по этому кругу «от отвращения к идеализации» потребления явится понимание того, какие потребности экзистенциально важны, а какие фальшивы, вредны, навешаны симуляциями и иллюзиями. Возможно это будет как-то связано с построением новых идеологических проектов. Но возможно (и желательно), чтобы основной целью политики будущего стало не рискованное создание «нового общества», а борьба с постмодернистскими иллюзиями общества «старого».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Берлин И. Две концепции свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://kant.narod.ru/berlin.htm> (дата обращения: 10.02.2014).
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : Республика ; Культур. революция, 2006. 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 10.02.2014).
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитал XXI в.: симулякр как объект анализа критического марксизма [Электронный ресурс] // Вопр. философии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=628&Itemid=52 (дата обращения: 10.02.2014).
7. Больц Н. Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.
8. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011. 352 с.
9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
10. Деррида Ж. Поля философии. М. : Акад. проект, 2012. 376 с.
11. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63-77.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
13. Мартьянов В.С. Политический проект модерна. От мироэкономики к мирополитике: Стратегия России в глобализирующемся мире. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 360 с.
14. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // ПОЛИС : Полит. исслед. 2012. № 1. С. 63-75.

15. Рзаева Р.О. Дихотомия «Запад – не Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // Вопр. философии. 2012. № 4. С. 86-94.
16. Тэйлор Ч. Что не так с негативной свободой? // Логос. 2013. № 2. С. 187-208.
17. Фишман Л.Г. Героизм и универсализм // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. № 12. С. 227-234.
18. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М. : Дрофа, 2008. 639 с.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2014 г.

Dmitry A. Davydov, post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

CONSUMER SOCIETY AND DEATH OF POSTMODERNISM

Abstract: the article analyzes relationship between the concepts of «consumer society», «risk society» and «postmodernism». Industrial economy promotes the growth of consumption by creation of new desires. However, excessive consumption leads to global risks such as environmental pollution. Some theorists suggest that overcoming of global risks is possible only through the struggle against capitalism and by creation of «new society» bonded by universalistic morality of some sort. The author expresses his disagreement with such radical thesis. In contrast to «the radicalized», the author suggests that modern society includes several self-renewal mechanisms. The main problem of the modern society is not consumption, but postmodernist area of simulations. Simulations (primarily in media) inhibit social reflexivity. Postmodernism is an area of illusions where actions lose their «real» consequences. Nevertheless, postmodernist simulations would be destroyed automatically when «world citizens» face a real risk of death. This threat would encourage seeking new solutions of global risks, which is possible within the existing social system.

Keywords: risk society, consumer society, postmodernism.

*The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below*

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. Bek U. Obshhestvo riska na puti k drugomu modernu. M. : Progress-Tradicija, 2000. 384 s.
2. Berlin I. Dve koncepcii svobody [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://kant.narod.ru/berlin.htm> (data obrashhenija: 10.02.2014).
3. Bodrijar Zh. Obshhestvo potreblenija. M. : Respublika ; Kul'tur. revoljucija, 2006. 269 s.
4. Bodrijar Zh. Prozrachnost' zla. M. : Dobrosvet, 2000. 387 s.
5. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljaccii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (data obrashhenija: 10.02.2014).
6. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Kapital XXI v.: simuljakr kak ob#ekt analiza kriticheskogo marksizma [Jelektronnyj resurs] // Vopr. filosofii. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=628&Itemid=52 (data obrashhenija: 10.02.2014).
7. Bol'c N. Azbuka media. M. : Evropa, 2011. 136 s.
8. Giddens Je. Posledstvija sovremennosti. M. : Praksis, 2011. 352 s.
9. Giddens Je. Uskol'zajushij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. M. : Ves' mir, 2004. 120 s.
10. Derrida Zh. Polja filosofii. M. : Akad. proekt, 2012. 376 s.
11. Dzhejmison F. Postmodernizm i obshhestvo potreblenija // Logos. 2000. № 4. S. 63-77.

12. *Liotar Zh.-F.* Sostojanie postmoderna. SPb. : Aletejja, 1998. 160 s.
13. *Mart'janov V.S.* Politicheskij proekt moderna. Ot mirojekonomiki k miropolitike: Strategija Rossii v globalizirujushhemsja mire. M. : Ros. polit. jencikl. (ROSSPJeN), 2010. 360 s.
14. *Mart'janov V.S., Fishman L.G.* Preodolenie kapitalizma: ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revoljucii? // POLIS : Polit. issled. 2012. № 1. S. 63-75.
15. *Rzaeva R.O.* Dihotomija «Zapad – ne Zapad» v diskurse nezapadnoj sovremennosti i postmoderna // Vopr. filosofii. 2012. № 4. S. 86-94.
16. *Tjejlor Ch.* Chto ne tak s negativnoj svobodoj? // Logos. 2013. № 2. S. 187-208.
17. *Fishman L.G.* Geroizm i universalizm // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akad. nauk. 2012. № 12. S. 227-234.
18. *Hauzer M.* Moral' i razum: Kak priroda sozdavala nashe universal'noe chuvstvo dobra i zla. M. : Drofa, 2008. 639 s.